

²⁰ Вебер и более определенно высказал свое критическое отношение к исследованиям исторической школы, авторы которых «...придерживаются мнения, что конечной целью, назначением каждой науки является упорядочение ее материала в систему понятий, содержание которых надлежит получать и постепенно совершенствовать посредством наблюдения над эмпирической закономерностью образования гипотез и их верификации вплоть до того момента, когда это приведет к возникновению «завершенной» и поэтому дедуктивной науки. Индуктивное исследование современных историков... служит якобы предварительной стадией в достижении указанной цели» (Там же. С. 407.).

Е. В. Рошупкина

О КРИЗИСЕ АГРАРНО-ГОРОДСКОЙ СТУПЕНИ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Минуло 150 лет со дня рождения выдающегося немецкого ученого, историка-экономиста Карла Бюхера. Но и сегодня в бушующем море наших экономических и политических дискуссий о прошлом, настоящем и будущем России не грех прислушаться к голосу человека, основной научной заслугой которого является попытка дать целостную картину хозяйственной эволюции человеческого общества. Обращение к творческому наследию К. Бюхера на предмет периодизации экономической истории становится особенно актуальным потому, что процесс осмысления экономической истории России делает сегодня лишь первые шаги.

Согласно рабочей гипотезе, предложенной Региональным центром научных исследований экономической истории в ИГЭА, Россия в своем цивилизационном развитии прошла две крупные ступени хозяйственной эволюции — аграрно-городскую и промышленно-городскую — и сейчас стоит на пороге перехода к третьей — информационно-городской стадии развития. Основным критерием членения экономической истории России выступает здесь изменение системы хозяйства с соответствующим изменением экономической роли городов.

Не останавливаясь на подробной характеристике названных трех ступеней в хозяйственной истории России¹, заметим, что в настоящее время, когда Россия стоит на пороге второго перехода, переживая всеобщий кризис промышленно-городской системы хозяйства, чрезвычайно актуальным становится анализ первого перехода в ее экономической истории. Это объясняется, на наш взгляд, двумя причинами.

Во-первых, исследование сущности перехода от аграрно-городской к промышленно-городской ступени развития дает возможность по-новому осмыслить причины многих экономических и политических потрясений в истории России конца XIX — начала XX в. И во-вторых, возника-

ющие при таком анализе исторические параллели позволяют лучше понять значение и необходимость своевременной смены стадий экономического развития для будущей судьбы России.

Несомненно, все цивилизованные народы рано или поздно оказывались перед необходимостью перехода от аграрно-городской к промышленно-городской ступени хозяйственной истории, что было обусловлено естественными, общественными и историческими условиями их развития. Необходимость такого перехода в России возникла, по нашему мнению, в первой четверти XIX в. и особенно к концу правления Николая I, когда стало ясно, что прежняя, аграрно-городская система хозяйства в основном исчерпала себя и должна была быть заменена качественно новой ступенью экономического развития страны — промышленно-городской. Сущность последней заключалась в том, что принципиальным образом изменялась экономическая роль российских городов, которые из городов-потребителей превращались в города-производители, т.е. в промышленные и научные центры.

Классический русский вопрос о выборе пути не случайно встал перед Россией уже в первой четверти XIX в. Именно в этот период Россия напоминала собой русскую тройку, остановившуюся на распутье. Какой путь избрать? Вправо вела дорога так называемого охранительного направления, т.е. земледельческого пути развития России с крепостным хозяйством и самодержавной монархией (большинство русского дворянства). Влево — дорога радикальных, революционных изменений (левое крыло декабристов). Между ними была дорога умеренно-либерального реформирования страны (реформа государственного управления М. М. Сперанского, проекты индустриализации Н. С. Мордвинова, П. И. Пестеля). Диапазон представлений о будущем развитии России был достаточно широк. Но в развернувшихся спорах между представителями самых противоположных направлений русской экономической мысли: охранителей и радикалов, фритредеров и протекционистов, западников и славянофилов — можно обнаружить глубокое внутреннее единство. Все они, по существу, были посвящены проблеме необходимости выбора варианта перехода России к принципиально иной ступени развития.

Второе десятилетие XIX в. было любопытной эпохой в истории русской общественной и экономической мысли касательно споров о том, должна ли Россия изменить свою систему хозяйства и развивать у себя фабричную промышленность или она должна оставаться традиционно земледельческой страной. Эти непримиримые публицистические баталии велись на страницах популярных в то время журналов. Так, например, «Дух журналов» отличался стойким неприятием промышленного пути развития России. Несочувствием к фабричной промышленности проникнуты и некоторые сочинения, написанные на тему, заданную Вольным экономическим обществом в 1812 г.

По мнению противников перехода России к промышленно-городской системе хозяйства, страна в начале XIX в. не имела достаточных внутренних побудительных мотивов и условий для развития у себя фабрично-заводской промышленности. Так, в своем отчете за 1803 г. министр внутренних дел граф Кочубей писал: «Россию природа и все обстоятельства призывают предпочтительно к земледелию... Пространство земли,

несоразмерное числу жителей... запрещает нам думать о предпочтительном благоприятстве фабрикам над другими отраслями труда народного»². В брошюре «Ответ русского гражданина на вопрос: полезно ли заводить в России и распространять мануфактуры», вышедшей в Москве в 1815 г., говорилось: «...Государство, имеющее много земли и, по размерности с нею, мало жителей, может с лучшим успехом заниматься земледелием, нежели мануфактурами и ремеслами». И далее: «...Страна, которая не довольна населена в отношении к занимаемому ею пространству, должна единственно благоприятствовать земледелию, а не фабрикам и заводам...»³.

Схожую мысль высказывал и другой автор, фон Бек, в сочинении, представленном на конкурс в Вольное экономическое общество. «Пусть в других странах, — писал он, — которые действительно или мнимо страдают от избытка народонаселения, запирают хилые поколения на фабриках или отсылают их в колонии... В России ее здоровый народ еще может беспрепятственно бороздить мать-сырую землю, чтобы добывать из нее нужные для света продукты...»⁴.

Анализируя данные высказывания, сталкиваешься с важным и принципиальным вопросом. Действительно ли в начале XIX в. Россия испытывала объективную необходимость перехода к иной, качественно новой системе хозяйства? И каковы основные причины, обуславливающие эту необходимость?

Как известно, возрастающая плотность населения явилась одним из самых важных естественных условий возникновения крупной промышленности в странах Западной Европы. Разрастаясь более и более и истощая легко доступные запасы естественных богатств, население этих стран пришло к необходимости таких приемов производства, которые позволяли бы с той же территории получать большее количество жизненных предметов потребления. Достигнув известного уровня плотности, население многих стран Западной Европы уже не могло помещать своего прироста в области сельскохозяйственного производства, в этих условиях начался процесс создания специального промышленного населения, ускоренного роста западно-европейских городов и развития в них крупных форм промышленности.

Население России долгое время избегало необходимости более интенсивной эксплуатации богатств природы, так как на востоке России лежали огромные площади почти нетронутых естественных богатств. По мере оскудения таких богатств в центральных районах их население направлялось на север, юг или восток, где продолжало применять те же примитивные приемы эксплуатации природы. Таким образом, постоянный отлив жителей России из центра на окраины служил препятствием большой плотности населения, а следовательно, и преградой созданию естественных условий, вызывающих необходимость зарождения крупной промышленности. Даже к середине XIX в. средняя плотность населения России была ниже плотности населения Англии XI в., а самые населенные губернии имели такую же плотность населения, какая была свойственна всей Франции 600 лет тому назад. В среднем в европейской России на квадратный километр приходилось 20 жителей, в то время как в государствах Западной Европы этот показатель составлял 66–220 жителей т.е. в 3–11 раз больше.

Таким образом, основные направления развития России имели... на наш взгляд, только... хозяйств... мирового хозяйства. Одно... в мировой тов... твенные изменения в эк... ли оказывать существе... развитие России.

Прежде всего — про... индустрии в Зап... соотношение сил, сложн... лизировались тем, что та... на фабрик и заводов и н... ния земледелия в таком... для своих жителей и с... ритания, становясь «фа... приращения своего народ... ственных продуктов из-з... в продуктах питания Ве... нить сельского хозяйства... Европы, Азии, Америки... мировых стран Западе... мировом рынке стабили... ограда, т.е. стран с преи... жества.

Исторически доказан... сему более низкий прои... сравнению с обработкой... хозяйственных работ, с... бедны искали промышлен... или из чужой воле, поте... та, превращения в аграр... Именно такая утрата на... и стала ярким тому под...

Первая четверть XIX... развития населения ее сто... и в социальном, и в эк... истощались аграрной ст... Эксплуатация была главн... ностей. Эксплуатация... работ и содержание в... на преимуществу (благ... (земля, лес, ливень и... (железо и т.д.) и скоты (ку... ливень, мануфактури...

В конце необходимо... аграрно-промышленн... не более обдумывали... России выдерживать и...

Таким образом, основные доводы противников промышленного пути развития России имели под собой основания. Но они были справедливы, на наш взгляд, только в том случае, если Россию рассматривали как изолированную хозяйственную систему, т. е. вне контекста развития мирового хозяйства. Однако Россия в своей исторической жизни уже была вовлечена в мировой товарообмен, и начавшиеся в конце XVIII в. качественные изменения в экономике передовых стран Западной Европы стали оказывать существенное влияние на экономическое и политическое положение России.

Прежде всего — промышленная революция и развитие крупной машинной индустрии в Западной Европе коренным образом стали менять соотношение сил, сложившихся на мировом рынке. Эти изменения обуславливались тем, что такие страны отвлекали много сил на строительство фабрик и заводов и не имели достаточного числа рабочих для ведения земледелия в таком объеме, чтобы производить жизненные припасы для своих жителей и сырье для своих фабрик и заводов. Так, Великобритания, становясь «фабрикой мира» вынуждена была поставить дело пропитания своего народа в полную зависимость от ввоза сельскохозяйственных продуктов из-за границы. Только $\frac{1}{3}$ часть своей потребности в продуктах питания Великобритания удовлетворяла за счет собственного сельского хозяйства, а $\frac{2}{3}$ она получала из различных государств Европы, Азии, Америки и Австралии. Поэтому экономические интересы передовых стран Западной Европы в этот период требовали наличия на мировом рынке стабильных источников продуктов питания и дешевого сырья, т. е. стран с преимущественно аграрной ориентацией ведения хозяйства.

Исторически доказано, что страны земледельческого производства (в силу более низкой производительности труда в сельском хозяйстве по сравнению с обрабатывающей промышленностью, сезонностью сельскохозяйственных работ, скудности развития ремесел и наук) всегда более бедны нежели промышленные страны, что создает условия для подчинения их чужой воле, потери экономической и политической независимости, превращения в аграрно-сырьевой придаток индустриальных стран. Именно такая угроза нависла над Россией в начале XIX в., и война 1812 г. стала ярким тому подтверждением.

Первая четверть XIX в. в экономической истории России — период резкого усиления ее отставания от Западной Европы и в политическом, и в социальном, и в экономическом отношениях. Россия по-прежнему оставалась аграрной страной с крепостным типом ведения хозяйства. Земледелие было главным занятием огромного большинства ($\frac{9}{10}$) ее жителей. Земледельческую направленность экономики России характеризует и содержание внешней торговли. Так, вывоз из страны состоял по преимуществу (более чем на 60 %) из продуктов сельского хозяйства (пенька, лен, льняное и конопляное семя и масло, сало, сырые кожи, хлеб и т. д.) и охоты (пушнина). В Россию же ввозились главным образом хлопок, полуфабрикаты и промышленные изделия.

В основе необходимости перехода России в первой четверти XIX в. от аграрно-городской ступени развития к промышленно-городской лежала все более обнаружившаяся неспособность земледельческой экономики России выдерживать конкуренцию с промышленно-развитыми европей-

Н. С. Мордвинов один из первых высказал серьезную обеспокоенность медленными темпами экономического развития России и увеличивающимся отставанием ее от западноевропейских государств. В ответ на призывы смириться с неизбежностью зависимости русского народа от других народов, Н. С. Мордвинов предложил свою экономическую программу по переустройству России⁵.

Функционировавшая до сих пор система хозяйства, базировавшаяся в основном на развитии земледелия, уже не могла, по мнению Мордвинова, обеспечить России «высшую степень достоинства» по сравнению с другими народами и потому должна быть заменена. Чтобы Россия догнала другие страны в обогащении необходимо «*переменить систему внутреннего в России хозяйства*, т.е. вывести Россию из земледельческого хозяйства в рукодельное и промышленное»⁶ (выделено нами — Е. Р.). Главный способ, по мнению Мордвинова, это изменение экономической роли российских городов, которые из городов-потребителей должны превратиться в города-производители, то есть в промышленные центры путем учреждения частных банков *во всех городах* России и установление покровительственного внешнеторгового тарифа.

Однако отношение царского правительства к проекту индустриализации России Н. С. Мордвинова было весьма противоречивым. Оно признавало необходимость индустриального развития России и в то же время боялось социальных последствий его. Это противоречие привело к тому, что в экономической политике правительство топталось на месте и проект Н. С. Мордвинова по индустриализации российских городов так и не был реализован.

Одним словом, переход к промышленно-городской системе хозяйства, адекватной мировому уровню цивилизации того времени, ни в период царствования Александра I, ни в период царствования Николая I не был совершен. Он начался лишь в последней трети XIX столетия, т. е. с огромным опозданием. Эта историческая «задержка» привела к грозному предупреждению общества уже в 1853–1856 гг. Поражение в Крымской войне показало, что Россия начала отставать даже в области военного дела, где она со времен Петра Великого занимала традиционно первое место среди других народов. Таким образом, для России фактор времени сыграл огромную отрицательную роль, и потому период первой половины XIX в. в полной мере может быть назван периодом упущенных возможностей.

Если мы посмотрим на Россию середины XIX в., то увидим перед собой страну с населением, подавляющим большинством которого было крестьянство, скованное крепостным правом. Страну, занимавшую одно из последних мест в Европе по уровню доходов на душу населения, с количеством фабрично-заводских рабочих, составляющих не более 1 % населения. Если еще в конце XVIII в. около $\frac{1}{3}$ нашего отпуска за границу приходилось на продукты обрабатывающей промышленности, то уже в середине XIX столетия эти обработанные продукты составляли только около 9 % нашего экспорта⁷. Россия успела соорудить только 1000 верст рельсовых путей и почти не имела путей шоссейных, в то время как Европа к этому периоду успела обзавестись целой сетью рельсовых и шоссейных дорог и перешла к паровому флоту — военному и торговому. Россия же оставалась при старом парусном флоте.

В этих условиях нужно было снова и снова писать о необходимости и неизбежности вступления России в промышленную эпоху. Человеком, который принял эстафету от Н. С. Мордвинова и стал активным пропагандистом индустриального пути развития России в пореформенный период, был великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев.

Д. И. Менделеев, как и Н. С. Мордвинов, был убежден, что Россия переросла земледельческий период своей истории, что она должна, наконец-то, совершить переход к промышленной системе хозяйствования, хотя и потеряла на этом пути уже много времени. Ныне «стало просто невозможно посвящать все силы страны исключительно одной сельской промышленности, — писал Д. И. Менделеев. — Когда можно было с истощенной земли переходить на другую свежую, ...когда страдный труд в немногие летние месяцы был достаточен для снискания насущного хлеба миллионам народа, когда провозглашена была Россия житницей Европы и считалась исключительно страной земледельческой, — тогда мог господствовать какой угодно порядок идей... Это сменилось... Россия карается в последние годы за свое убеждение в том, что она — страна исключительно земледельческая, ... а потому дальнейшая судьба России определяется развитием всех родов промышленности, а не одного земледелия»⁸.

Дорога среди пшеничных полей, по мнению Менделеева, не сможет вывести Россию в ряд богатых и экономически независимых государств. «...Русский мужик, переставший работать на помещика, стал теперь рабом Западной Европы и находится от нее в крепостной зависимости, доставляя ей хлебные условия жизни»⁹. Отсюда однозначный и твердый вы-

вод: перспектива независимого экономического и политического развития России заключается в ее скорейшей индустриализации.

Объективная необходимость перехода России от аграрно-городской к промышленно-городской системе хозяйства, с трудом, но все же пробивала себе дорогу. Пореформенный период стал началом промышленного пробуждения России. Однако времени, которое было отпущено историей для создания промышленности, России не хватило. Дальнейшие исторические события (Первая мировая война 1914 г., Февральская и Октябрьская революции 1917 г.) оставили возможности эволюционного промышленного развития. Нерешенность главной задачи, которую поставила экономическая история перед Россией в первой половине XIX в. — переход от аграрного к промышленному этапу развития — по наследству досталась революционному правительству большевиков.

При жизни В. И. Ленина это выразилось в идее промышленного подъема на базе электрификации всей страны. После смерти В. И. Ленина процесс поиска теоретических путей промышленного развития России не остановился. Наиболее заметным явлением в этой области явилась дискуссия, развернувшаяся по поводу статьи Е. А. Преображенского «Основной закон социалистического накопления». Но Россия 20-х гг. XX столетия, в силу новых исторически сложившихся обстоятельств, уже не имела того запаса времени для эволюционного построения индустриальной экономики, которым она располагала в первой четверти XIX в. В стране все большее распространение стали получать тенденции, связанные со стремлением решать нарастающий вал проблем посредством чрезвычайных мер. Понятно, что любые сколько-нибудь сложные вопросы экономического развития, не получившие своего достаточного разрешения в прошлом, рано или поздно должны вызвать желание разрубить пресловутый «гордиев узел» одним ударом. Это воплотилось в сталинской индустриализации страны, которая была проведена в рекордно короткие сроки. Но цена такого решения перерезавших экономических проблем была слишком велика.

Данная работа — лишь пробная попытка приблизиться к анализу сущности и причин кризиса аграрно-городской ступени развития России в первой половине XIX в. Автор прекрасно сознает, что поставленная проблема чрезвычайно сложна и требует глубокого научного осмысления на страницах монографического исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сущности аграрно-городской и промышленно-городской формаций в экономической истории России см.: Экономическая история России как предмет научного изучения: Учебное пособие / Под ред. Рачкова М.П., Иркутск. ИГЭА. С. 4–10.

² См.: Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М.; СПб. Пролетарий, 1926. С. 214.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 219.

⁵ Положения этой программы сконцентрированы в трех основных работах: «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1815 г.), «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (1816 г.), «О мерах улучшения государственных доходов» (1825 г.).

⁶ Мордвинов Н. С. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1945. С. 219.

⁷ Мигулин П. П. Экономический рост русского государства за 300 лет (1613–1912). М., 1913. С. 86.

⁸ Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно. М.: Советская Россия, 1991. С. 98–99.

⁹ Там же. С. 106.

Т. А. ЯКОВЛЕВА

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АНТИЧНОГО ГОРОДА

Новая концепция экономической истории России, разрабатываемая на кафедре истории, экономических и политических учений ИГЭА, основана на признании института города, во всех его типах, в качестве общего признака любой цивилизации. Начала создания такой «цивилизационной» теории можно видеть во многих трудах «больших» экономистов и историков: К. Бюхера, В. Зомбарта, М. Вебера, Ф. Броделя. «С города все начинается, городом все и заканчивается...»; «город как якорь цивилизации» и т.д.

В. Зомбарт в работе «Современный капитализм» представил задачу экономической теории городов как необходимость поиска форм взаимосвязи между феноменом города и господствующей системой хозяйства¹. Город, как сквозной цивилизационный институт, существуя в созданной им системе хозяйства, рано или поздно исчерпывает возможности своего развития в этой системе. И тогда, изменяя себя, город может сформировать новую систему хозяйства, создавая тем самым основу для перехода к другой формации развития. В этом случае возможно допущение экономической роли города не только как взаимосвязанной с системой хозяйства, но и как определяющей эту систему, создающей систему хозяйства и саму цивилизацию в целом. *Новая ступень цивилизации и новая экономика создаются новыми городами.*

Вероятно, что каждой волне экономического развития цивилизации (аграрной, индустриальной и информационной) соответствует свой тип города, создающий или поддерживающий определенную гармонию напряженностей, зону необходимого экономического равновесия. Этот процесс поддержания экономического порядка и цивилизационного направления во многом объясняет яркие примеры городской агрессии. Подчинение сельских местностей, высасывание всех жизненных соков из деревень, изъятие без эквивалента, жестокое сжатие собственного времени и пространства, — все это далеко не полный перечень такой агрессии во имя «спасения цивилизации». Такими агрессивно-активными были древние аграрные города потребителей, такими были индустриальные